

100 РОЖЕВА

были для пацана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

100 Рожева

Были для пацана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35247984

SelfPub; 2018

Аннотация

"Репетиция" разговора с сыном о самом важном – о любви, о вере, о надежде, о смерти. Отцу есть, что рассказать. И своему пацану, и читателям... Содержит нецензурную брань.

Низкий поклон Дмитрию А. – вору, боксёру, философу – за талант и живую душу...

Присказка

– В одном тридевятом царстве, тридесятом государстве жил поживал добрый предобрый Змей Горыныч. Он любил людей и особенно маленьких детей, и ещё он очень любил пересказывать книжки своими словами. Придут к нему мальчики и девочки, с родителями, и даже сами по себе, усядутся в кружок, и он давай им пересказывать какую-нибудь книжку, да сверху своё придумывать. Вот только три его головы говорили все вместе, перебивая друг друга. Взрослые не понимали и смеялись над ним, и дети тоже смеялись, но всё понимали, наверно, потому, что дети сами так разговаривают и потому, что дети умеют слышать настоящий смысл слов, а взрослые уже не умеют. Добрый Змей Горыныч ни-сколько не обижался, а, наоборот, радовался тому, что все смеются, и старался пересказывать ещё смешней. И вот однажды...

– Чё это за фигня? – скривился Димон.

– Это не фигня, это современная сказка из интернета, не мешай, – махнула рукой жена и поправила плед, служивший ширмой для домашнего кукольного театра. – И вот одна-

жды... – продолжила она в образе.

Бархатный Змей Горыныч, надетый на её руке как перчатка с тремя головастыми пальцами и двумя кривыми ручками, ожил и задвигался. Огромные глаза Оленьчика стали еще больше, и Димон подумал, что его сынишка и правда очень похож на оленёнка, не зря они называют его Оленьчиком.

– Взрослая женщина, а всякую ерунду из интернета домой тащит, разве бывают добрые змеи горынычи? – шутливо проворчал Димон.

– Если бывают злые, значит, бывают и добрые! – мудро заметила законная сказочница, а ручной Змей Горыныч воспитанно поклонился всеми тремя головами, сморщившись зелёным животом.

– Ну, пааап... – не отрывая глаз от самодельной сцены, недовольно пропищал Оленьчик.

– Правда, пап, ты в театре, досмотри спектакль до конца, а потом будешь ворчать, – сказала жена своим голосом и продолжила сказочным: – И вот однажды... пришло в тридевятое царство тридесятое государство горе горькое да беда неминухая – Чудище поганое безголовое. Захотело оно царство горынычево отнять, чтобы стало оно не тридевятым

-тридесатым, а одной девятой и даже одной десятой! Змей Горыныч знал, что одна десятая это меньше, чем одна девятая, потому что книжку «Математика для начальной школы» детям пересказывал. А Чудище книг не читало, но было очень злым, сильным и жадным. И стал Змей Горыныч думать да гадать, как Чудище поганое победить-обхитрить, и вот что придумал...

Димон смотрел, как шевелятся покрашенные губы жены, как Оленьчик во все глаза следит за начитанным Горынычем, и тепло разливалось по его телу. От того, что они с женой создали этот мир для своего шестилетнего пацана, от того, что жена, добрая и заботливая, растворилась в семье, и что всё это счастье досталось ему наяву, а не в мечтах....

Нежась в своих мыслях и в пол-уха слушая дурацкую сказку, он вспомнил, как в детстве они с сестрой играли в театр. Из двух треугольных кубиков делали бабок, рисовали флажком мерзкие рожи на гипотенузе и сочиняли про них разные истории. В них всегда присутствовал его любимый тряпичный Хоттабыч с длинной бородой, в атласных шароварах и красных курносых тапках. Бабки затевали зло, кого-то похищали, что-то крали и в конце сбегали от расправы, а Хоттабыч разруливал проблемы и исполнял желания, возникающие по ходу сюжета. Они никого не казнили и не наказывали в этих играх. Жаль, что когда он вырос, игры поменялись...

Змей Горыныч, морщась зелёным животом, озадаченно елозил по клетчатому пледу, решая свалившуюся на его три головы проблему в виде притязаний Чудища поганого безголового, а в голове Димона всплыл разговор с матерью, когда она приезжала к нему на свиданку в зону. Они сидели напротив друг друга, она гладила его руку и в её глазах стояли слёзы, не вытекая, словно вытекать «не положено». «Мам, ну перестань, всё нормально со мной будет! У меня девять жизней и три головы, как у Горыныча», – как мог бодро сказал он. А она горько покачала головой: «Горыныч ты... от слова «горе»...

Горяхватило. Но он выжил. Он остался человеком. А мать никогда не верила в него и не любила, хоть и спасала, видела в нём лишь зло мужское, мстила за ушедшего отца. Самые сильные травмы – детские, и сколько бы добра она не делала, он всю жизнь будет помнить, как у него спрятали сумку в школе, ею подаренную, какую-то фирменную, он её искал долго, пять раз всю школу обошёл, на тренировку по борьбе опоздал, без разминки бороться стал и шею потянул. Вернулся домой вечером, шея набок, боль адская, а мать в школу за сумкой погнала. Горько было, но ещё раз всю школу обошёл. Вернулся, а она на порог не пускает – нет у меня больше сына, сказала, и по лицу ударила. Так и ночевал на чердаке, прижимая к шее теплого котёнка.

Заступиться было некому. Отца ему заменил тренер по

боксу. Это он, им, пацанам, глаза завязывал, руки на плечи друг другу, и надо было стараться подсечку сделать, – развивал хитрость и умение по движению корпуса противника понять, куда пойдут его ноги, учил чувствовать партнёра, угадывать его намерения, быстро соображать и действовать.

С 16-ти он начал качаться, сам сделал скамейку и опоры для жима лёжа, штанга была первые два года из трубы, «блины» спёр из малярной люльки, а чтоб не сваливались, просверлил в трубе ручной дрелью отверстия и раздобыл у трудовика длинные болты, фиксирующие от осевого скольжения эти круглые по 18 кг и квадратные по 11 чугунные противовесы малярных колясок. После своих тренировок ходил ещё на пару часов в спорт-школу к борцам, на настоящих тренажёрах качаться, настоящие штанги поднимать. Фото даже где-то есть – он, 17-ти летний, в коммуналке на фоне простыни в позе Роденовского мыслителя. Простыней закрыл стены, стесняясь трущоб комнаты, намазался подсолнечным маслом с коричневой гуашью – типа блестящий, загорелый бодибилдер, а сестра сфоткала...

Потом по жизни учителей хватало, но отца-то всё равно не было. Вопросы, задать которые пацан может только мужчине – задать было некому...

Сейчас у него самого семья, маленький сын. Но время летит, и недалёк тот день, когда Оленьчик, уже ростом с него, но с ещё распахнутыми глазами, задаст свои вопросы. И со-

стоится «Мужской разговор».

Найдёт ли он слова? Ведь это должны быть такие слова, от самого сердца... Полезно мужику набивать собственные шишки, но если можно избежать каких-то ошибок, сделать выводы, не теряя и не рискуя так, как терял и рисковал он сам. Он должен быть готов к этому разговору. И он готов, давно готов. Он не станет читать нотаций, он скажет сыну, что главное в жизни – любовь, вера и надежда. Выстраданные истины банальными не бывают. Он расскажет, что на самом деле движет людьми, не тряпичными куклами, а живыми.

И это будут не сказки, это будут были. Были для пацана...

Как-то в школе, классе в шестом, им задали сочинение на произвольную тему. Димон выбрал «Хорошие поступки в жизни» и придумал историю про плохого мальчика, который ночевал на чердаке, и очень хотел быть хорошим, но никто ему не верил. И однажды он попытался пробраться в Кремль к самому главному человеку в государстве, чтобы попросить его кое о чем. А помогал ему проникнуть в Кремль по верёвке, через окно, опытный преступник по кличке Резаный, который сам хотел попросить себе много денег у безотказного всемогущего генерального секретаря Партии СССР, а мальчишку хотел подставить, потому что знал, что при входе в кабинет стоит пулемёт и убивает всех, кто без разрешения

пытается просить что-то у него. Попасть к нему по общей очереди было невозможно, потому что её занимали блатные ЦКовские сотрудники и просили для себя и своих детей хорошую жизнь. И мальчишка этот попал под пулемёт, но смог из последних сил, ползком попасть в кабинет, и хотя все думали, и этот Резаный тоже, что он будет просить для себя мопед, но он попросил счастья всем людям. Идею, конечно, маленький Димон бессовестно спёр у Стругацких, из «Сталкера», перед этим посмотрев кино и находясь под впечатлением. Матери сочинение показывать не стал, потому что в то время мечтал о мопеде, и не хотел так пошло и явно напоминать ей об этом. А в школе литераторша Людмила Николаевна, которая называла Димона любя и не при всех «лысый пряник ты мой» из-за его короткой стрижки, – прослезилась, посмеялась и, показав рукой много раз пять пять пять, попросила заменить генсека на волшебника изумрудного города, а фразу о ЦКовских блатных сама заштриховала красной ручкой так, что прочесть стало невозможно...

Оленьчик засмеялся звонко и заразительно нестройному трио голов Змея Горыныча, наперебой предлагающих методы перевоспитания Чудища поганого с помощью добрых хитростей. Красные губы жены дрогнули в умилении, волна счастья снова прокатилась по Димону от затылка, по позвоночнику, к кончикам пальцев ног. Он не удержался от улыбки, а волна уже несла его мысли в океан памяти, в котором

мирно жили были для его пацана.

Были про самое главное...

Про любовь

Так вот про любовь, сынок...

Было мне пятнадцать, почти шестнадцать. Год я прозанимался в мотосекции при МПС (Министерстве путей сообщения), мотики давали бесплатно, база была мощная, занятия тоже бесплатные. Тренировки каждые выходные и соревнования через раз, – здорово! А летом мы поехали на сборы в Мелитополь, сейчас это Украина, а тогда одна страна была. Икарус у нас был свой, переделанный специально для поездок. Задняя половина отгорожена листом ДСП, там гараж, мотоциклы рядом стоят в своих стойлах, бочки с бензином, форма наша грязная валяется. Потом один ряд сидений поперёк автобуса превращён в кровать, так же листом ДСП, и стенка с дверью посередине в сидячий салон из четырёх рядов с одной стороны и трёх с другой, между ними откидной столик для еды. Ребята разные по возрасту – от нас с моим другом Ваней, 15-ти леток до 35-ти летних, не считая одного ветерана Деда 50-ти лет и тренера, тоже 50-ти. И по характерам разные все. Манерный и утончённый, лучший гонщик Белов, смазливый юморист Волошин, умный и осторожный еврей Сима, дубина стоеросовая дембель ВДВ Попов, и два красавца друга детства Коля и Толя, оба коренастые, безба-

шенные, обоим лет по 35-ть. Коля сидел восемь лет за грабёж с тяжкими телесными, а Толя весь Афган прошёл, только оттуда вернулся.

Выехали вечером из Москвы, в конце мая, я как раз из технаря вылетел, тройки наставили и пинком под зад. По дороге все напились, трезвые только Белов за рулем и Толя. Толя угрюмый сидел, водка в горло не лезла, жене шутя подзатыльник дал на днях, и она с тяжелым сотрясением в больнице лежала, а он переживал как Герасим о Му-му. Мне не спалось, хотя восторг от путешествия уже притупился. Ваня сидел спереди, неотрывно глядя на дорогу, словно сам вёл 12-ти тонный Икарус. Коля в очередной раз надрал в карты дубину Попова и нащёлкал ему по фиолетовому уже его носу картами. Так он, дурак, всё орал «ВДВ не сдаётся!» и всё играл с профессиональным каталой с зоны, неизвестно на что рассчитывая. Остальные дрыхли в спальном отсеке. Коля, уже сильно бухой, снял рубашку, мышцы бугрятся, весь в куполах и звёздах, во рту фиксы, рожа кошачья, улыбка препоганая.

Уже ночь глубокая, трасса ровная, машин почти нет.

Мрачный Попов с фиолетовым носом согнал меня с лежанки:

– Отвали салабон, дай дедушке кости кинуть.

Я подсел к Ване. Коля ещё выпил и стал скучать:

– Эй, Толян, давай в очко на поцелуй, гы-гы-гы, да чё ты быкуешь, не на поцелуй в очко, а в игру очко на поцелуй – кто просрёт, тот будет Белова целовать, а чё, ты ему нравишься, он сам мне говорил.

– Пошёл на, убью бля, – монотонно ответил Толян, не отрываясь от своих дум.

– Эй, Белюга, а ты чё молчишь, делаешь вид, что не слышишь или в натуре хочешь, чтоб тебя Толян поцеловал? – Коля пошёл, пошатываясь, к водителю, сел за спиной Белова рядом с дремлющим Юрцом – рязанским парнишкой лет 18-ти.

– Беленький, ну дай я тебя за сиську ущипну, а ты меня за пипиську гы-гы.

– Коля, возьми себя в руки, блевать охота от твоей зонощины. Сейчас сам поведёшь, если будешь как свинья себя вести, – отозвался Белов.

В этот момент на обочине мелькнул силуэт с поднятой рукой.

– Стоять, сука! – заорал Коля и вlepил ладонью по плечу Белову, что аж автобус вильнул. Тормози бляяая, там шлюха

стоит!!!

Белов выругался и остановился.

– Задом сдавай, Белый, задом, пока её не перехватили. Ща такой бардель будет, а то тебя ипать будем, вот Толян давно уже на твою жопу смотрит.

Мы подъехали задним ходом к девушке в плаще.

– Давай, Беленький, ты её сюда позови, а то у меня рожа некрасивая, сбежит ещё в лес, скажи, спортсмены все порядочные, в обиду не дадим.

Белов нехотя послушался. Девушка, в общем-то, сама впрыгнула, лишь дверь открылась.

– Ой, мальчики, – обратилась она к нам с Ваней, ещё не разглядев в темноте салона притаившегося Колю и окаменевшего Толю, – спасите меня, пожалуйста, сейчас в лесу компания парней чуть не изнасиловала, – уже к Белову обратилась она.

– Да не вопрос, садись вон там где-нибудь, тебе куда?

– Мне в Мценск, это тут недалеко, сто км отсюда по трас-

се.

– Ну, поехали, нам все равно на Хохляндию дальше.

Девушка прошла к столику и замерла, не дотянувшись попой до сидения – увидела полуголого расписного Колю, сияющего своей меднозубой улыбкой. Икарус взял с места, и она плюхнулась на сидение.

В воздухе запахло женским страхом и мужским возбуждением.

Коля тотчас подсел к ней на соседнее сидение, они сидели спиной по ходу движения. На втором ряду справа по ходу дремал Юрец, Толя сидел, не шевелясь, на четвёртом ряду слева. Мы с Ваней на первом слева. Коля как-то быстро вполголоса нашёл общий язык с барышней. Он наливал ей водки, и она охотно пила. Я еле слышал их тихий разговор:

– А давно работаешь?

– Не ню ню мню мню...

– А чё голая– то, да ладно, я же вижу только плащ на тебе и то мы его скоро снимем.

– Да эти уроды обещали ещё и мне денег дать, а не дали, а мамке только по минималу, а я хны – хны, а они ах ох....

– А давай в карты? Ты на себя, а я на деньги.

Смотрю, Колян из кармана пачку денег на стол кинул. Меня одолевал интерес, и я пересел к Юрцу. Теперь я всё хорошо слышал.

– Не, не буду, что я лохушка что ли, хватит того, что к вам лоханулась сесть, никак не думала, что это автобус с зэками.

– Молчи, убью. Зэчара только он, – так же монотонно донёсся голос Толяна с заднего сидения.

– А, не обращай внимания, это наш телохранитель, немножко контуженный, но, в общем, нормальный парень. Не любит, когда женщины отказывают, и меня не любит, хотя я только чуть-чуть в тюрьме по малолетке сидел, а так я семейный мужик, спортсмен, давай в картишки, хочешь, ты банковать будешь? – напевал Коля.

– Нет, не буду, – ответила девушка. – Налей мне ещё. Тебя как звать?

– О, это теплее. Я Коля, а он Толя, вон молодняк разный и Белов за рулем.

– А там кто спит?

– А это пьянь разная, тоже спортсмены, но в дороге отдохнуть от спорта решили, они не проснуться до утра. А тебя как звать, красавица?

– Я Машенька, – и она опрокинула очередную рюмку, закусив чем-то немудрёным со стола.

– Вижу, ты умная девочка, тогда на вот, – Коля отсчитал сколько-то бумажек из своей пухлой пачки. – Что, мало? На ещё. Не борзей только, вот ещё за красоту твою.

Она ловко сцапала деньги себе в кармашек серого плаща. Потом ещё немного выпили, а может и много. Коля больше не пил, только ей наливал. Потом начал её мацать и ей нащёптывать:

– Ну, давай, ну хорош ломаться как целка. Да я тебе подушку под коленки дам, ты же королева!

Плащ на ней был давно расстёгнут, и мне очень хотелось посмотреть, что там, но я жутко стеснялся, и чувствовал, как горит всё лицо. Белов нервно дёргался на сидении. Потом не выдержал и остановился.

– Ты чё, Белый, жди очереди, мы ещё даже не поженились ниже пояса, – через плечо наехал на него Колян.

– Иди ты в жопу, свинья, я по нужде! – он выскочил на обочину, но по– моему, он не по той нужде, я видел, как он корчится и рукой мнёт себе что-то на яйцах. Потом вернулся, и как-то болезненно двигаясь, пошёл к Толе.

– Толя, сядь за руль, пожалуйста, у меня что-то щемит. На педали нажимать не могу.

– Баклан недоделанный, я же думаю, все мысли мне сбил, – проворчал невозмутимый Толя и пошёл за руль.

Его здоровенные волосатые трицепсы тряслись во время езды, а чёрная майка врезалась в бугры мышц, только круглый живот не вписывался в фигуру атлета. Если Белов управлял автобусом, словно массаж делал в белых перчатках, изящно переключая передачи и перекладывая руки на руле, то Толян вёл по–хозяйски, ударом здоровенной ладони переключая передачи и грубо перехватывая баранку, словно канат из воды тянул, всегда мигал дальним светом встречным Икарусам и поднимал к лобовухе левую руку в знак приветствия. Коля продолжал нашёптывать Машеньке, лаская её грудь. Самой груди я не видел из-за спинки, но видел, куда направлена его кисть, обвитая синей колючей проволокой

татуировки.

В салоне было темно, только большая приборная доска мерцала зелёно– жёлтыми огоньками, да свет встречных машин и редких фонарей украдкой скользил по тёмной пещере салона. Прошло, наверное, полчаса. Коля всё лапал Машу, а она тихонько постанывала и иногда просила водки. А Коля всё о чем-то просил её, хотя вроде она была не против секса и деньги взяла, и я не понимал, что ему ещё нужно, даже было подумал – неужели он только на словах такой крутой, а на самом деле, может, стесняется? Вдруг на полном ходу под горку, Толя непринужденно вышел из-за руля и пошёл к этой парочке, громко и чётко по-военному скомандовав:

– Белов смени!

Пару секунд я думал, что мне это снится – руль плавно покачивался туда-сюда, а под колёса летела трасса. Всадник без головы, – мелькнула мысль. Ваня среагировал быстрее, метнулся к рулю и, стоя в проходе, стал его держать и вопить:

– Белов, Белов! Скорее, он не шутит, за рулём никого нет!

Белов и сам уже бежал навстречу, проскользнув молча мимо Толика, проворно прыгнул за руль, сбавил скорость и облегчённо выдохнул:

– Ну и идиот!

Толя остановился в проходе у столика, и хмуро смотрел на Машу. Коля не реагировал на него, продолжая что-то ей шептать. Толя пинком сложил столик, бутылка покатилась по полу, проливая вонючее содержимое, закуска тоже разлетелась в стороны. Коля метнулся за бутылкой, а Толя молниеносно стянул с себя спортивные штаны, подсел меж ног Маши, и так же резко расставив их в стороны вверх, ткнулся в нее низом живота, чуть поелозил, она ойкнула, и он начал вдавливать её в сидение.

Я ведь только пару раз порно смотрел, и то со смехом от похотливых мужиков. Так вот как трахаются – понял я, надо непременно туда–сюда двигаться, а член значит уже в ней?!

Широкое лицо Толяна было совсем рядом с моим. Маша запрокинула голову и я, приподнявшись на сидении в пол-оборота, увидел, что она безумно красива – длинные витые локоны светло каштановых волос, большие, широко открытые глаза, и в моменты, когда Толян отлеплялся от неё, я видел божественные женские груди, такие, оказывается, красивые, не то, что в купальниках на пляже, такие мягкие и круглые, с таким притягивающим взгляд соском... А внизу живота ничего не было видно, одни только волосы, и Толин торс плотно прижатый к ее междуножью.

От толчков проснулся Юрец.

– Них себе, чё творится, а я сплю как последний дятел! Ух ты, здорово как, а откуда тёлка? – толкнул он меня локтём в бок, бесцеремонно сразу же повернувшись задом наперед и встав коленками на сидение. К тому же ещё и светильник включил над головой Толи, кругленький, не яркий, но в темноте просто прожектор. В его свете девушка стала лицом чуть менее красива, ибо появилось что-то похабное и пьяное в её «божественном» лице. Но грудь стала еще красивее, и у меня вдруг встал член, как бывало только под утро и то, слава богу, не всегда, я жутко стеснялся и не знал, как пройти в туалет в таком виде мимо сестры, и терпел до слёз, а когда не было сил терпеть, то, прикрываясь одеялом, шмыгал в тубзик. Но теперь мне почему-то не было так стыдно, тем более, я был в темноте и в штанах.

– Выключи, убью! – пропыхтел Толян, и двумя ладонями схватил Машеньку за круглые грудки.

Юрец проигнорировал. Тогда Толян ударом кулака, не глядя, погасил свет. А курносый Юрка снова включил. Толян в такт движениям ударил в голову Юру, но тот ждал этого и увернулся, ехидно хихикнув:

– Промазал, либо бить либо ебать!

Опять Толян атаковал свет кулаком, и опять Юрка его включил. Толян зарычал, и как пёрышко, подхватив Машеньку, чуть ли не на спинку сидения залез вместе с ней, не вынимая, и вытянув руки, поймал за шею Юрца и стал его душить, продолжая трахать Машу, пригвождённую к спинке стула вертикально. Юрец задыхался и ржал, а когда совсем стало плохо, надавил пальцами на глаза Толяну, и тот бросил его шею.

– Хер с тобой, щас кончу и убью тебя, – буркнул Толя.

– Ладно, ладно, Толян, выключаю, ну тоже ведь охота посмотреть. Трахать трахал, а смотреть не смотрел никогда, отсюда так здорово!

– Ага, будто тебя ебут, да? – раздался глумливо-кошачий голос Коли. Он сидел напротив сношающихся и пил из бутылки маленькими глотками водку.

Ваня тоже пересел на пару рядов назад и смотрел изумлённо и смущённо. Наконец, Толя издал судорожный стон и, конвульсивно дёрнувшись, замер на пару секунд, придавив сползающую на сидение Машеньку всем весом. Потом отвалился как тесто от стены, и обмяк в соседнем с ней сидении. Юрец снова включил свет, и я увидел красивейшее из зре-

лиц — женский треугольник с вьющимися черными волосами, аккуратной формы, и очень красивые отливы внутри бедер, похожие на пережат с предплечья на бицепсу бронзовой статуи. Толян задернул треники на живот и мрачно покосился на Юру. Тот сразу выключил свет.

— Вот так-то бля, — констатировал Толя, видимо не по поводу света, а по поводу быстро налаженного общего языка с барышней.

— Дурак ты старый, я ж её на минутик разводил, а ты сразу долбить, так каждый дурак сможет, а лаской взять, чтобы она сама тебя захотела, не, ты точно пересидел в окопе, — утробно промурлыкал Коля.

— Сам мудака, у меня неделю не встаёт уже, с женой из-за этого поспорил, она в больницу попала, а ты тут со своей лаской, да этот еще самоубийца с фонарем, ща перекурю и убивать тебя, гопник, буду, — протарахтел Толян через плечо и медленно переполз на переднее сидение.

Дым красного светлячка сигареты клубился под потолком салона, его запах заглушал странные для меня незнакомые запахи. Запах спермы я знал уже из-за своих юношеских поллюций, правда, этот был другой — нажористый какой-то, а вот запаха женщины я ещё не знал.

Коля подсел к Машеньке, подцепил откуда-то с пола укачившуюся рюмку, налил ей водки и вместо закуски дал сигарету. Она тоже курила, неплотно сдвинув красивые стройные ноги. Когда затягивался Толян, у него вздымался живот, а у нее грудь, и вроде это она делала не специально. Потому что у неё красивая женская сущность, – подумал я.

Юра, видимо, решил позабавиться напоследок перед тем, как его будет убивать Толян и, свесив руки (он же был за спиной Маши), стал несмело, но бесстыдно, трогать ее груди. Это не мешало Маше курить.

– Ух ты, какие классные, попробуй, салабон, – кивнул он мне.

Я замотал головой. И вообще у меня вместе с эрекцией начало подниматься и негодование. Её же насилуют, она же, как бы девушка Толи стала, а её трогает Юрка, и Коля, похоже, тоже собирается что-то сделать с ней!? Я ещё покипел мозгами и оттолкнул руки Юры:

– Да хватит её трогать, это девушка Толика, не трогайте её!

Толя поперхнулся, Юра остолбенел, уставившись на меня немигающим взглядом, а Колян заржал хорошим, добрым, а не обычным своим глумливым смехом.

– Эй, мальчик, иди сюда, дай я тебя поцелую, защитник ты мой дорогой, – обратилась ко мне Маша интонацией сестрёнки. И тоже засмеялась.

Но я совсем потерял контроль, вскочил в проход и попытался оттащить от неё Колю, схватив его каменный бицепс с портретом какой-то улыбающейся бабы. Коля чуть приподнялся с сиденья, и резко всадил мне в грудь свинцовый кулак с правой. У меня словно сердце остановилось, дыхание перебило, я отлетел вперёд и, споткнувшись о приступок «подиума» водительского угла, плюхнулся на попу. Белов не сильно толкнул меня ладонью в спину:

– Хватит тут кувыркаться, я так не могу управлять автобусом.

Я, наконец, отдышался, стёр выдавленные кратковременным удушьем слёзы и опять попытался напасть на Колю, но меня за шею поймал гигантский питон бицепса Толи. Он как котёнка затащил меня на свои колени, продолжая душить, я двумя руками пытался отжать его локоть, но не мог даже остановить медленное сжатие своей шеи, и когда я уже стал хрипеть, дёргаясь во все стороны, а глаза снова заволокло слезой и болью, Толян чуть ослабил смертельного питона и своим монотонным голосом сказал:

– Не дёргайся, я одиннадцать человек задушил этой рукой. Сиди здесь, не дёргайся, сказал, убью. – И легким полупинком катапультировал меня на соседнее с ним сидение, к окошку.

Я тёр шею и проталкивал воздух через какие-то камни в горле, мне казалось, кадык у меня образовался не наружу, а внутрь. Я ёрзал, пытаюсь посмотреть, что там с Машенькой делают или нет!? А Толян, дотянувшись до пепельницы на торпедке, сел обратно и как-то уже по-дружески положил мне свою пудовую руку на плечи:

– Ты дурачок, молодой совсем. Её никто не насилует, пойми это. Она проститутка и ей самой это нравится. И ты сейчас пойдёшь, ки́нь ей палочку. Че девку не драл что ли ещё?

Что такое «кинуть палочку» я не знал, вернее, знал, но не твёрдо, то ли это значило один раз всунуть в женщину свою пизду, то ли совать до тех пор пока поллюция не придёт, а если придёт, то куда? Неужели прямо в неё? Но в любом случае я понял его предложение. И отверг тотчас, хотя внутренний голос мне шептал – попробуй, если ей действительно нравится, она же поцеловать тебя сама хотела. Она так прекрасна, я за то, чтобы только целоваться с ней и потрогать её груди, готов отдать свой мотоцикл Паннония насовсем! Но

я стесняюсь, и ещё не решил для себя, насилуют её или нет. Возможно, я просто боюсь быть побитым, а может, просто понимаю, что мне с ними не сладить. Эти мысли успокоили меня.

Толя тоже снова погрузился в себя и окаменел, глядя в никуда, словно остекленелоглазый крокодил, готовый в любую секунду стать резким и смертельно опасным.

А мои мысли вернулись в школу в восьмой класс. Годом раньше у нас появилась оригинальная учительница химии, она же и биологии, Захарова, которая как-то быстро вышла замуж за худосочного очкарика трудовика Власова и стала Власовой, за что ей огромное спасибо, ибо очкарик этот почему-то сразу ушёл из школы. Трудовик Власов по прозвищу Волос был ненастоящий – разве у настоящего трудовика могут быть тонкие пальцы и белые руки? И учил он только электротехнике. До него был Асломазов армянин или азер, Асломаз, короче, он был настоящим, но смешным – «отвертка надо держать за ручка, а не за сам отвертка, и нажимать, да? нельзя простё так крутить, да?» А после Волоса пришел Сан Саныч, ноги колесом, ботинки протоптаны мизинцами наружу, осанка фривольного военного. Лучшим из учеников он разрешал называть себя «товпрапорщик». Вот это самый настоящий трудовик – руки огромные, пальцы ловкие, всё в его руках кипело и делалось само собой, молоток гвозди и рейки летали как у жонглёра в цирке, ящик для почтовой

посылки он делал за пять минут. У нас была халтура – практика после уроков, и нам даже деньги платили за ящики, то ли 30 копеек, то ли 15 за штуку.

Так вот, биологичка Власова Наталья, отчество забыл, в восьмом классе ввела отдельное занятие для девочек и мальчиков по тем заветным страницам анатомии, где голые в чертёжном разрезе дядьки и тётки были отведены на самостоятельное изучение. Посещаемость этих дополнительных занятий была 110%, так как из других школ приходили. Я помню весь краснощёкий класс мальчишек, помню её румянец и странно сверкающие глаза, и то, что можно было спросить вообще всё, что хочешь знать о мужчинах и женщинах. Но литературу, которую она рекомендовала почитать, я не читал. Прочёл лишь одну книгу «Суламифь», но ничего конкретного не запомнил, так, в розовом тумане что-то о «ласке богов», меня с ума сводило то, что можно и нужно языком лизать у женщины там.... и как это лучше делать. А ещё помнил, как все ржали, хотя смеяться она нам не разрешала, это единственное требование было – не смеяться, но тут даже она сама посмеялась, когда парень из параллельного класса спросил чётко так, внятно: «А, правда, что Некрасов был гомосекссуалист?» Кто-то заржал сразу, кто-то вслед за Власовой, а когда она поправила, что это одно слово, то и все остальные стали ржать.

Из теоретических познаний в действительность меня вы-

дернули громкие, звонкие пощёчины и странные вскрикивания Маши, вроде как весёлые. Я перевернулся, встал на коленки, через спинку сиденья разглядывая происходящее. Это оказались не пощёчины, а шлепки по попе. Коля поставил её в позу провинившегося ребенка и толкал Машину попку своим торсом, при этом периодически наказывая её шлепками, словно за то, что никак не может через нее перепрыгнуть. А она смотрела в глаза Юрцу, и лицо её не выражало ни гнева, ни страданий. Юрик гладил её по голове, что-то шептал и пытался засунуть палец в её красивый рот.

Потом этот тертый зэчара удумал что-то «богопротивное», вынул свой член (я его хорошо разглядел в свете фонарей с трассы) – мерзко толстый, огромный, сделал его ещё более противным, смачно сплюнув себе в ладонь и растерев слюну по блестящей, невероятного размера головке, и неожиданно аккуратно, как будто только что не шлепал провинившуюся Машу, а как примерный комсомолец уважительно сует листок голосования в красную урну на выборах, стал засовывать свой оплёванный член в Машину урну голосования. А она вдруг выгнулась и застонала по-настоящему громко и отчаянно, а не игриво повизгивая как от шлепков. Я подумал, что у Коли какой-то необыкновенный член, в тюрьме переделанный этими выдумщиками зэками, и от слюны он распух, и ей стало больно. Коля не спешил, прижался вплотную к ней, его живот нависал над ее попой, за-

крывая её божественно красивые закругления, и поглаживая по спине, стал её жалеть – тихо, тихо, девочка, тихо тихо... А потом опять стал двигаться, наращивая темп. Машенька резко вскидывала голову от каждого его толчка, и на её лице стала появляться полу улыбка, и она вдруг хрипловато сладко проворковала: «Мдаа, даа...» Видимо, мазохистка, – подумал я. Я уже знал, что есть садисты и мазохисты, как в мультике про придворных подлиз, просящих пионера, попавшего во дворец, ещё и ещё стегать их попы розгами.

Юрка аж встал на сидении, перегнувшись на спину Маши, и что-то пытаюсь разглядеть в месте слияния тел. А Коля поймал его за шею:

– Опаньки, Юрка, вот ты и попался, давай, давай, ща я тебе на пассатижи навалю!

Юра вырвался, оттолкнув руку Коли.

–Иди ты в жопу, придурошный, дай посмотрю, ты её прям в очко, да?!

–По тухлой вене, по тухлой вене, – пыхтел Коля и мерзко щерилась его кошачья морда. Он снова стал шлёпать Машу, и она уже во весь голос стонала и бормотала: «Ну, еще, ещё, я сейчас уже, да да да!»

А чего сейчас-то? – думал я. Предчувствие такое, что сейчас она их всех взорвёт или раскидает по салону, вдруг став невероятно сильной – что-то наливающееся силой и властью я чувствовал в её интонации.

От этих шлепков и стонов проснулся детина Попов, вылез по спящим телам в дверной проём спального отсека и, протирая кулаками глаза, прохрюкал сонным голосом:

–Ого, вот это да, нефига себе учебная тревога! А дембеля позвать в падлу что ли? Дайте воды попить, – он стал шарить на полу, разыскивая стеклянную бутылку с минералкой.

– Аааммм! – простонала Маша, а через несколько толчков и Коля издал рычание -мяуканье сытого помойного кота и замер, конвульсируя грудью в куполах.

Чафкнуло что-то вынимаемое из жопного организма Машеньки. Коля выругался и, выдернув минералку из руки Попова, пошёл к двери Икаруса, встал на ступеньки и стал поливать себе на член минералкой. В воздухе запахло ещё и какашками.

– Слышь, Рязань, пиндюрочку подкинь, чего-то потребовал помойный кот у Юры.

Тот и сам, хихикая, уже рылся в кармане за водительской спинкой, потом извлёк оттуда полубелую тряпку, которой вытирали руки после заправки бака из вечно мироточащего солярой пистолета, и протянул её Коле. Тот стал вытирать свою обслюнявлено-обкаканную дурень. Я никак не мог понять – очком вроде называют жопную дырку у мужиков и письку у женщин? Или Маша обкакалась? Фу, противно. Юра порылся ещё в кармане за Беловым, нашёл чистую тряпку и протянул её Маше. Та старательно вытерла себе белую попу, с едва заметными в мелькании света из окна отпечатками ладоней Коли, и лениво, как-то блаженно, уселась на сидении, вытянув скрещённые голые ножки на пол. Взяла с сидения Колину пачку с сигаретами и почему-то не сама вытащила сигаретку, а попросила достать Юру, держа пачку снизу двумя пальцами. Он достал ей сигаретку и галантно дал прикурить Колиной зажигалкой.

Попов, ворча, нашёл другую бутылку Нарзана и, прихлёбывая, стал толкать рукой кого-то из спящих:

– Сима, подъём! Симё–ён, подъём, говорю!

Ваня перебрался ко мне поближе и позвал на второй ряд сидений. Я и сам хотел уже с кем-то поделиться своими вопросами, чтобы, наконец, найти своё место на этой тарелке разврата. Осторожно перелезая через Толяна, я опасался, что крокодил перекусит мне горло, но он «спал» с открыты-

ми глазами, не шелохнувшись и не двигая прицелами зрачков. В дверях автобуса Коля кряхтел и закуривал сигареты Белова. Я подсел к Ване. Он зашептал мне на ухо:

– Дим, ты как, будешь трахать её?

– Неа, Вано, не хочу.

– Да ладно, я очень хочу, но боюсь, не получится. Вдруг я промахнусь мимо манды? Эти меня засмеют тогда, лучше не рисковать.

– А манда и очко одно и то же?

– Ты че, ха-ха! – Ваня был красным, и его губы нервно дёргались, пытаясь то улыбнуться, то сделаться серьёзными. – Да я сам точно не знаю, отец всегда матери ночью говорит: «Хороша у тебя манда, а очко ещё лучше». Я через стенку всегда слушаю как они трахаются, когда он с нами живёт.

Попов допил Нарзан, встал, почти упёршись головой в потолок, одёрнул футболку и провёл зачем-то руками по поясу, будто там был ремень. Потом хлопнул в ладоши и подсел к Маше, прямо на пачку сигарет, они хрустнули, он ругнулся и откинул их на противоположные седушки.

– Ну чё, мать, давай, порадуй дембеля ВДВ!

Маша неприязненно глянула на эту бравую детинушку и лениво раздвинула ноги, отдав бычок Юре, тот открыл форточку и выкинул его в шум ветра. Попов стянул с себя штаны и, взяв Машу за левую ногу, рывком повернул поперёк сидений. Она оказалась лежащей, он закинул её левую ногу на спинку сидения, а правую себе на плечо, и стал что-то делать рукой (как онанируют, я не знал ещё, хотя похабное движение и слово «дрочить» не раз слышал и видел от хулиганья школьного). Довольно быстро детина стал всаживать в неё свой армейский зад.

В это время разбуженный им Сима вылез из спального отделения, подсел за нами на третий ряд и, откашлявшись, спросил:

– Мальчишки, а откуда здесь женщина?

– Да вот на дороге стояла, Коля её затащил в автобус, напоил и они её трахают, – ответил Ваня.

– Как затащил, силой?

– Да нет, она вообще-то сама заскочила, говорит, в лесу её кто-то чуть не изнасиловал.

– А где её вещи?

– А на ней только плащ был. Коля ей денег дал.

– А она взяла или он ей в карман сам засунул?

– Нет, сама взяла.

– А, ну тогда всё нормально, – Сима тихо встал, нашёл свою сумку на полке под потолком, порылся в ней, достал какой-то патронташ из бумажных брикетиков и, оторвав один, убрал остальное обратно. Потом взял с сидений, где валялась мятая пачка сигарет, почти пустую бутылку с водкой, нашёл на полу стакан, вытер его носовым платком из кармана, и налив себе водки, выпил, пробормотав что-то типа молитвы.

– Так, мальчишки, на меня не смотрите, вон на неё смотрите и учитесь, а лучше сами потом попробуйте, очень хороший первый опыт для вас.

– Я уже пробовал девок трахать, – соврал Ваня, стараясь басить.

– Ну и чудненько, значит, второй первый опыт будет, – улыбнулся ему тихоня Сима, (хотя на мотоцикле он был да-

леко не тихоня, безбашенный снаряд Толя его редко мог обогнать). – Вы давайте, давайте, отвернитесь, это нехорошо за взрослым дядей Симой подглядывать. И он стал пыхтеть, что-то снимая с себя и чем-то хлюпая.

Коля, сидевший рядом с Толяном, докурил, кинув бычок вниз на ступеньки у выхода из автобуса.

– Помнишь, кореш, как мы первую бабу на дубке доминошном тарабонили? Ты ещё никак воткнуть не мог?

– Сам ты не мог. Я тогда всё мог, – ответил неподвижный затылок Толи.

– А вином блевал тоже не ты? Гы-гы, старый, сколько зин, сколько лен прошло, а? – рука с нарисованной бабой легла на плечи Толяна.

– Ты потом на зону ушёл сразу, а я в Афган. Как сейчас помню, конечно.

Они молча поймали какую-то одну общую мысль. От них повеяло чем-то древним и грустным.

Попов ухнул на молчащей, словно труп Маше, и бравым дурным голосом отрапортовал в потолок: « Слава ВДВ!»

Резко встал, скинув ногу Маши с плеча на пол, вытирающим движением засунул свой член в штаны, повернулся к Симе:

– Чего ждёшь, солдат, занимай оборону у дзота! И гордый собой развалился в сидении напротив лежащей девушки.

Она медленно села, подтянув колени к груди и, скрестив пятки и встряхнув волосами, позвала Колю:

– Колечка, мы так не договаривались, вон уже все спящие полезли.

– Тихо ты там, шушера, не понти, я тебе бабла нормально дал, за всех патцанов. Будешь цену набивать, в рот наассу.

– Не пизди, и ебись, убью! – добил её сомнения Толик.

– Грубияны, – Маша сделала обиженный вид, отвернувшись к Попову, но тотчас отвернулась и от его довольной рожи к Юре. Тот чмокнул воздух перед её лицом.

– Я тебя утешу, Машуля, но сначала тебя Сима утешит, ты такого точно никогда не видала... – подшутил Юрец.

Тут как раз закончил шуршать и чавкать чем-то дядя Сима. Ему лет под 40 было, постарше Толи и Коли, но моложе

деда. Редкие русые волосы, затылок большой, лицо не выразительное, чуть вытянутое, глаза грустные, умные. Среднего роста, и хоть мышцы просматривались, но он какой-то щуплый был. Самое поразительное, даже сейчас для меня, после виденных сотен голых мужиков в лагере на помывке, по тюрьмам, по спорту в душевых – я близко такого не видел, и даже в порнофильмах такое редко увидишь, – когда Сима вышел на полусвет, приблизившись к Маше, то мне показалось вначале, что он себе к члену биту для игры в городки привязал – чуть ли не с локоть длиной, толстый член торчал вперед, а Сима бережно поддерживал его одной рукой. Маша вжалась в спинку и ногами невольно упёрлась ему в ноги.

– Ооо–ой, мамочка, такого не бывает! Ты что, не надо, ты порвёшь меня!

– Не бойся ты, дурочка, я же не Коля и не Толя, я очень нежно тебя возьму, ровно настолько, насколько ты сама захочешь, кто же от такого отказывается? – любя стал нашептывать ей Сима тихим своим голосом.

Машенька опустила ножки на пол и несмело взяла двумя узкими ладошками «биту» Симы, на которой блестел «напальчник», натянутый до половины. Она словно взвесила его член и осторожно поводила туда-обратно ладошками. Сима очень нежно потянул её за пышный затылок лицом к члену.

Маша отстранилась. А Коля, то ли глазами на затылке, то ли украдкой подглядев (когда я обернулся на его голос, он по-прежнему смотрел вперёд), хрипло промяукал:

– Неа, в рот не даёт, боится, что порвём, а твою оглоблю точно не всосёт, брат жидомассон.

Сима отпустил её затылок и совсем тихо ей сказал:

– Да ты не бойся, ротик закрой, личико мне дай свое, сама, сама...

И она подалась вперёд лицом, словно подставляя его под пощечины, и закрыла глаза, плотно сжав губы. Сима погладил её «битой» по щеке, потом по другой, потом по шее, причём, когда он гладил её вытянутую длинную шею с родинкой на сонной артерии (которую я заметил в полумраке, когда любовался на её лицо сверху, сидя рядом с Юрцом), то его выбритый пах не доставал до её лица добрых 15 см, кулак точно пролез бы в зазор между её лицом и его плоским животом. Сима нежно нащупал её руки и потянул за них, поднимая её из сидения. Маша стала особенно послушной, я подмечал любые микро сопротивления её движений, потому что более всего меня занимал гложущий с детства вопрос о единстве и борьбе противоположностей. Это я сейчас так формулирую, а тогда был просто неоформленный вопрос, но

он был тогда, и есть сейчас, и от более понятной с годами формулировки яснее почему-то не становится...

Сима сам сел на её теплое место (энергетику тепла я чувствовал чётко), а Машу посадил на себя, лицом к себе. И стал целовать её шею и лицо, руками нежно поддерживая её кругленькую попку. Я уже смотрел, не стесняясь, и я стал вдруг уважать этого тихоню, потому что точно знал – я буду делать так же – столько нежности и какого-то наития было в его действиях. Он и на кроссе всегда учил – подлетаешь к трамплину, хоть и трассу знаешь, а должен чувствовать, получится прыжок или нет, если нет – не прыгай этот трамплин, может за ним впереди идущий упал, поэтому ты и не почувствовал удачу, и сам не упадёшь и его не покалечишь.

Как-то потихоньку Маша охнула, напряглась её упругая спина, свет облизнул острую лопатку и ямки над попкой, потом медленно, со стоном она стала приседать на Симе, всё увеличивая амплитуду, он лишь поддерживал её попку. Когда она прокричала свое ведьмовское – да дада, ммммм!!! – то всё равно присела не на самый Симин пах, а чуть ниже на колени ему. Сима аккуратно снял её с себя и посадил рядом. От нее пахло странным, щекотным запахом, от которого першило в горле – приятно и страшно почему-то.

А Сима опять встал к её лицу своей «битой»:

– Давай, девочка, помоги и мне кончить...

И она, широко открыв рот, засунулась на треть резино-сто-сморщенного члена. И тут я увидел воочию процесс коитуса (словечко из теории Власовой), хотя этот термин вроде относился к проникновению писи в писю. Обхватив резину губами, она двигалась по баклажану Симы. Довольно быстро Сима испустил глубокий стон и замер, а Маша, сделав глотательное движение горлом, замерла тоже. Потом из её рта плавно вынырнул мешочек, полный чего-то, в темноте цвет не особо видно было, но мешочек был как капитошка, которую мы в школе кидали из окна на головы прохожих. Сима нагнулся, поцеловал Машу в щёчку, и поплелся к выходу.

– Белов, тормозни!

– Да надоели вы, бабники, мы на сборы едем, а не просто так катаемся!

– Останови, говорю, или я тебе в пепельницу щас это положу, – Сима махнул снятым напальчником с жидкостью.

– Ха, друг жидомасон, ну ты прям кончало какой-то, мало того, что балдарес как у осла, так еще и спускаешь как жопа с поносом. В окно выкинь! – пробулькал помойный котяра Колян.

Белов остановил, дверь пшикнула, уехав в сторону, и Сима вышел на воздух.

Проснулся Дед и тренер Оськин. И Волошин тоже. Только было проветрившийся Икарус вновь наполнился нажористым запахом спермы и потных мужских тел. Кто-топил водку, шумел Попов, Коля с Толей молча летели в своих далеких мыслях. Я чувствовал завывание песчаного ветра восточной страны через ржавую решётку в колючей проволоке в том союзе равных по силе духа и отверженности от людского мира этих двоих друзей детства. Сима беседовал с Оськиным, вернее, он что-то говорил мотающейся пьяной башке тренера. Юрец примерял «напальчник», выпрошенный у Симы на свой член, вполоборота к Попову.

– Га-га-га, солдат, хим защита по самые яйца, давай на них узлом и завяжи, может и не соскочит, га-га-га, – ржал остолоп Попов.

Юрец быстрыми гребками пловца по мутным водам, отарабонил размягшую Машу. И не парясь, выкинул в форточку использованный «напальчник».

Потом настала очередь Деда. Он тоже надел хим защиту, свою, по размеру. И так и эдак, и на коленках и сзади, и лежа сверху, и лежа снизу – очень долго «работал» с измождённой

Машенькой. А потом в позе Симы, притягивая Машу к себе на себя, стал целовать её в губы. И тут возник Коля:

– Опаньки, фаршманутый Дед, считай, ты Симу в член поцеловал, теперь пить будешь из отдельной стопки и зубную щетку отдельно клади!

– Пошёл на хер, зэк, – не обращая внимания, огрызнулся Дед.

– Ах ты падла, ща кишки выпущу! – Коля рванулся к Деду (на хер нельзя посылать в зоне – это я уже сейчас знаю).

Крокодил таки напал – волосатые руки Толяна сплелись с синими Коли. Сидение затрещало. Питон из бицепса и предплечья быстро обвил бычью шею Коли. Хрипы, попытка нажать на глаза, но Толян зубами поймал руку Коли. Еще несколько попыток вырвать сидение из пола, и Коля сник. Питон отпустил обмягшее тело.

Дед встревожился, но увидав победу Толика, продолжил целовать Машу. И тоже победил. Волошин долго мучился онанизмом, долго упрасивал Машу помочь ему ротиком и, в конце концов, нашёл себе применение, раскопав в куче сумок новую бутылку водки.

Маша надела скомканный плащ, пошарила в кармане, че-

му-то сладко улыбнулась, ощутив содержимое кармана, и попросила покурить у Юрика.

– Хуяся, корешок, век не забуду, – пришёл в себя Коля.

Толян как и прежде реинкарнировался в крокодила. Лучше его не тревожить, когда он думает, если он вообще думает о чем-то. Белов вёл Икарус в ночь, постоянно цыкая, и наминая себе в паху рукой, словно клопов давил.

Уже светало, Мценск мы давно проехали. Остановились у редких в то время придорожных кафе. Пошли завтракать. Столовая обычная, советская: подносы, полоса раздачи продуктов с поварами, касса. Дед поухаживал за Машей, взял для неё суп, сосиски и пюре. Поели, сходили в туалет, покурили. Сели в Икарус, Толян за руль, Белов спать, мы с Ваней тоже полезли спать, благо, место появилось. Когда трогались, я услышал голос очаровательной Маши:

– Ой, кажется, Колю забыли.

– Да здесь я, девочка, гы-гы.

Дед сел ближе к Толе на переднее сидение, а Попов блокировал собой Колю на четвёртом ряду слева по ходу движения. Маша сидела рядом с Дедом.

– А смотрите, она Колю больше всех запомнила, – резюмировал Волошин, – Ты чё с ней делал, пятнистый собрат наш, признавайся, как можно покорить сердце девушки за один трах?

– Учись, фраерок, книжки умные читай, – проямлил засыпающий котяра Коля.

Машу высадили у какого-то моста, она сама там попросилась, мол, там удобнее ей обратно ехать домой. Я засыпал, но все же посмотрел ей вслед в окно. Она помахала мне рукой, подарив воздушный поцелуй.

– Пока, защитничек мой, – услышал я за стеклом её приятный чуть хриловатый голос.

Я бы женился на ней, подумал я, если б она жила в Москве, и я мог найти её. Она такая красивая, такая скромная, у нее такая красивая родинка на шее и такие красивые волосы, а груди, а треугольничек.... Женщина!!!! С этими мыслями я сладко заснул.

Проснулся, когда опять было темно, и дождь лупил по окнам, а по крыше что-то скребло когтями.

– Ух ты, что это? – подскочил я.

– Не бойся, это ветки по крыше, по лесу едем, почти приехали уже, крепко спишь, – отозвался дремавший рядом Сима.

Я вылез из спального отсека, все в основном дрыхли в креслах. Толян по-прежнему был за рулем. Икарус плыл по песчаным волнам лесной дороги, на больших перевалах шкрябая пузом по их верхушкам. Свет фар выхватывал разреженный лесок из низких кустистых деревьев, а из форточки пахло морем. Я радовался любимому аромату, вселяющему фантазии о кораблях под парусами.

Наутро, когда приехали, я насладился красотами местности. Это был пионер лагерь, сданный нам для тренировок. Одноэтажные корпуса с большими окнами, центральная аллея с красным знаменем на флагштоке, спортплощадка на покошенном газоне и великолепный вид на морской залив за высоким обрывом, огороженным каменным заборчиком с балясинами. Уже никто не бухал, со следующего утра с подъемом в шесть началась обычная спортивная жизнь. Всё изменилось в лагере. Никаких блатных выходов Коли и бравад Попова. В авторитете были те, кто быстрее и смелее – Белов, Сима, Толя и мы с Ваней в конце списка. Мне всегда нравились правила спортивных команд, где неважно, какой у тебя кошелёк или статус, главное тот, у кого бицепс больше, си-

ла удара лучше, ловкость и храбрость, и сверх авторитет – тренер.

Однажды, на спортплощадке Попов подтянулся на пару раз больше Толика, и что-то сказал ему свысока. Толя по-мрачнел и двинулся на него:

– Сейчас посмотрим какое ты ВДВ нахер!

Хотя он сам был из ВДВ, но ни разу я не слышал от него армейских бравад, а Попов для него был полнейшим салагой, пороха не нюхавшего, водой из луж не утолявшего жажды, и друзей рваных в клочья не хоронившего.

Попов принял стойку на чуть согнутых ногах, в пол-оборота к Толе, держа руки по-боксерски высоко. Толян, вдруг став легче перышка, порхнул к нему, пригнулся под прямой удар и нанёс пару страшнейших кроссов (названия я знаю сейчас, имея в прошлом уже скромный кандидатский разряд в тяжелом весе по боксу). Оба попали в голову Попову. Тот рухнул на спину, вскочил, потряс головой и попробовал атаковать ногой. Толян звериным хуком в голень, отбросил ногу Попова обратно и тотчас подсёк его вторую ногу. Попов шмякнулся всей спиной на землю. С трудом встав, он стал взглядом искать чего-то. Толян из набедренного кармана своих военных штанов вытащил перочинный нож, раскрыл его и кинул Попову

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.